

▲ПРОЛОГ

Стыд и отчаяние жгут, разливаясь под кожей кислотой, заставляя опускать глаза.
Окруживший
меня полумрак как будто напитан похотью, она повисла в воздухе, я дышу ей,
чувствую ее каждым
дюймов обнаженной кожи... И ничего не могу сделать. Не могу шевельнуться без
чужого приказа:
маг-менталист, стоя за кулисами этого жуткого театра, умеючи делает то, за что
ему платят.

«Папочка, забери меня отсюда, пожалуйста», – вот что я думаю в эти мгновения.
Других мыслей
нет, разве что... Хочется умереть прямо сейчас, чтобы сердце разорвалось, и чтоб я
упала на помост
поломанной игрушкой.

– Пятьдесят золотых крон, кто больше? Уважаемые санноры, этот нежнейший цветок
доставит вам
ни с чем не сравнимое удовольствие!

Я – в свете десятков свечей, словно муха в янтаре. По позвоночнику струится пот,
становится
нечем дышать, тоненький полупрозрачный пеньюар с совершенно неприличным вырезом
липнет к
телу. И я тону, уже перестав барахтаться, в мужских взглядах, таких плотных,
почти осязаемых.
Почему мое сердце не может остановиться прямо сейчас?

– Шестьдесят золотых крон!

Пульс в висках стучит, словно кувалда по металлу.

И тут менталист, что притаился где-то в потемках, приводит в движение мои руки.
Я... не хочу
делать то, что хочет он. Но тело непослушное, ватное. Другой человек сейчас
управляет мной,
заставляя выставить себя на продажу. Мне хочется плакать, кричать, проклинать –
но все, что
срывается с губ – тихий всхлип, в то самое мгновение, когда мои руки по очереди
распускают
спереди тонкие завязки, распахивая пеньюар и демонстрируя то, что и без того
было почти видно.
По залу проносится вздох.

– Семьдесят!

Я знаю, что когда менталист отпустит меня, я тотчас же упаду. Жаль, что не умру
сразу же, потому
что ни одна девушка из хорошей семьи не должна пережить подобное. Горло тут же
перехватывает,
и я как будто снова возвращаюсь в то утро, когда в собственном доме мне на

голову накинули
мешок.

– Обращаю ваше внимание, уважаемые санноры, эта прекрасная лань невинна,
совершенно
невинна!

Я давлюсь собственным плачем. Конечно же, они проверили меня, прежде чем вывели
на торги.
Унизительно до дрожи, так, что умереть захотелось ещё тогда. Но я даже не
подозревала, что все
это – только начало...

– А где гарантии, что она – невинна? – спросил кто-то из переднего ряда.

Я помимо воли вскидываю взгляд. Там, за пределами помоста, жирный и липкий мрак,
оттуда и
тянутся ко мне отвратительные щупальца чужих взглядов. И там же я успеваю
заметить плечистый
силуэт.

– Сертификат, заверенный мастером Фиери, – не без гордости отвечает аукционист.

Папочка, забери меня...

– Сто золотых крон!

Кажется, менталист немного отвлекся, и я роняю голову на грудь, пытаюсь поднять
плечи, как-то
закрыться... В следующий миг меня дергает незримая сила, тело выгибается дугой, и
то подобие
одежды, что ещё держалось на плечах, соскальзывает на пол.

– Сто двадцать... Кто больше, господа? Сто двадцать – раз...

Стоило прозвучать удару молотка, менталист беззаботно меня отпустил. Колени
ожидаемо
подогнулись, и я упала, кое-как успев упереться ослабевшими руками в грязный
дощатый пол.
Дыхание застряло в горле, и я захрипела, пытаюсь вдохнуть. В висках страшно ухал
пульс. Нет, это
все не со мной...

Сто двадцать золотых крон. Именно за такую сумму неизвестный купил единственную
дочь
покойного ныне адмирала Лайса. Дочь, от которой так ловко избавилась его молодая
вдова.

▲Несколько мгновений я просто лежала, упираясь ладонями в пол, и просто дышала,
жадно хватая
душный воздух. Мне уже было совершенно безразлично, кто и как на меня будет
пялиться. Все.

Продана. Искать никто не будет, вызволять – тоже. Наверное, я успею броситься
под
проезжающую карету... или наглотаться битого стекла, это кошмарная смерть, но

лучше так, чем
постельной игрушкой. Невольно дернулась, когда чьи-то тяжелые ладони легли на
плечи.

– Поднимайтесь, санна.

Я просто замотала головой. Нет, не хочу. Ничего не хочу. Пусть я исчезну прямо
сейчас! ?ще и
«санна», как будто знает меня...

– Поднимайтесь, – повторил мужчина, – не заставляйте тащить вас силой. Вот,
плащ...

На меня опустилась бархатная мягкость. Зубы начали выбивать дробь, я судорожно
вцепилась в
ткань, заворачиваясь в нее, ныряя головой в капюшон. Не хочу, чтобы ещё кто-то
меня видел... Хотя

– уже посмотрели все желающие, что там прятать?

– Давайте, помогу, – снова тот же голос.

Я едва не взвыла, когда он ловко подхватил меня под мышки, потянул вверх – и к
себе, все же
поставил на ноги.

– Стоять можете? Ну же, посмотрите на меня.

И я посмотрела. Я не знала его, хоть торжественные приемы и балы составляли
изрядную часть
моей жизни... прежней жизни беззаботного мотылька. Он был нестар, лет тридцать, и
хорош собой,
холеный блондин, непривычно коротко, на военный манер, стриженный. Лицо
показалось умным,
приятным, только вот... глаза не понравились, светлые, колючие, словно стеклянное
крошево, и
зрачок маленький, как булавочная головка.

– Ну вот, все хорошо, – спокойно сказал он, – держитесь, недолго осталось.
Только вот... вы
правда... девственница?

Вопрос настолько огорошил, что я невольно кивнула, не думая.

Неужели только это его и волнует?

Он окинул меня задумчивым взглядом, затем взял за плечо.

– Идемте. Нам нужно поторопиться.

– Куда? – прошептала я.

Все же я оставалась Корой Лайс, дочерью адмирала Кардилии и прилегающих
островов. Преданной,
похищенной и проданной, но пока что не сломленной окончательно. Я все ещё

оставалась собой и отчаянно боролась со страхом, который уже запускал под кожу ледяные иголки.

– Вам это знать необязательно, – прохладно ответил блондин.

– А как... мне к вам обращаться? – сиплый шепот застревал в горле.

Он пожал плечами.

– Потом разберемся. Идемте же, времени мало.

И тут меня словно обожгло внезапной догадкой. Сквозь пелену стыда и горя настойчивым ростком пробилась следующая мысль: человек, меня купивший, не смотрел на меня так, как обычно смотрят на женщин. Он взирал на меня с тем интересом, с которым наш семейный лекарь рассматривал лягушек, прежде чем начать их препарировать.

***

Некоторое время он просто тащил меня за собой, вцепившись в запястье, куда-то по темным и грязным коридорам того дома, где проходил аукцион. Я семенила следом, стискивая на груди плащ.

Мысли плавали в голове медленно и лениво, точно золотые рыбки-вуалехвостки в аквариуме, когда они ещё у меня были, до того, как папа женился второй раз. Санна Теодора сразу объявила, что у нее сыпь от всяких там рыбок, и от хомячков, и от черепах... поэтому ничего такого у меня больше

не было. Куда он меня тащит? Понятное дело, что наружу. Наверняка там ждет экипаж. А потом? К

себе домой? Попробовать столь удачное приобретение? От мыслей о том, что последует дальше,

накатывала тошнота. Нет, я понимала, что рано или поздно меня выдадут замуж, но мечталось об

ином, чтоб нас познакомили на балу, и чтобы у нас... хотя бы несколько танцев, чтобы поговорить,

хоть немного узнать друг друга. Не так, как сейчас происходит со мной.

♠К тому же, мне не давал покоя тот взгляд, которым смотрел на меня незнакомец, мой, выходит,

хозяин. Так не смотрят на женщин. Так смотрят на вещь, которую собираются использовать... А как

использовать – ещё неясно. Впрочем, у меня было слишком мало опыта в понимании мужских

взглядов. Папа все хранил меня, берег... для чего-то хорошего. А все кончилось тем, что умер за

завтраком, едва поднеся ко рту чашку с чаем.

Запыхавшись, я хватала душный, смрадный воздух этого проклятого дома. Ногти незнакомца больно

впивались в кожу. В какой-то миг я наступила на что-то острое и невольно вскрикнула.

– Что такое? – он сердито обернулся, остановился.

Я, прыгая на одной ноге, кое-как ощупала пятку – крови не было.

– Простите. Я наступила...

– Идем, – процедил он почему-то зло, – не тяни время.

И снова потащил вперед, но – уже совсем недолго, мы вылетели в небольшой холл с пыльными драпировками, затем – распахнутые двери, и я застыла на пороге, не решаясь сделать шаг вперед. Там... шел снег. А я – босиком.

– Пошевеливайтесь, – мужчина грубо дернул меня вперед, ступни обожгло холодом.

– Куда мы? – горло теснило рыданиями, я озиралась по сторонам.

Темный проулок. Фонарь горит далеко-далеко, у перекрестка. И никакого экипажа. Да что ж он, будет тащить меня голой и босой через весь город?

Или же... до ближайшей подворотни?

– Что вы хотите со мной сделать? – пискнула я, отчаявшись, – вы меня убить хотите? Зачем я вам?!!

Внезапно он остановился, обернулся ко мне. Глаза – все такие же колючие, блестят в потемках. И лицо кажется белым-белым, словно у мертвеца.

– Послушай... те, санна. Я... лично я не буду вас убивать, не беспокойтесь. Но время дорого. Вы когда-нибудь путешествовали личным порталом?

Я растерянно мотнула головой. Не понять его: то ли злится, то ли просто волнуется. Но, коль упомянул личный портал, так что же... меня купил маг?

А если он... купил меня для опытов? Слышала я разные сплетни, чем они занимаются, когда нужно дотянуться до неподвластных Дару умений...

Я окончательно растерялась. И было страшно, так, что я совершенно не чувствовала снега под ногами. Да и вообще уже, ног не чувствовала.

– Я просто не хотел открывать портал на людях, – снизошел до объяснений мой хозяин, – чтобы потом не болтали лишнего, когда я появлюсь здесь в следующий раз.

– Но почему? – упрямо спросила я, – что будут о вас болтать, если вы маг?

И тут меня словно молнией прошило. Ну конечно! Все же опыты. И это его «когда появлюсь в следующий раз». Так он, быть может, просто скупает девушек, чтоб их убить? Раз за разом? А если будут болтать, что какой-то маг покупает девушек, каждый раз новую, то это может заинтересовать королевские службы... которые знают, что очень часто ради магии приносятся страшные жертвы. То есть, он просто не хотел показывать людям, что является магом, и поэтому поволок меня подальше.

Нутро скрутило от накатившего ужаса, рот наполнился кислой слюной. А мой... хозяин, видимо, понял ход моих мыслей, потому что едва заметно улыбнулся.

– Помогите! – сдавленно пискнула я и рванулась прочь.

Плевать, что я голая. Плевать, что босиком, и что никто не знает, кто я. Но я не дамся этому чудовищу, которое собралось меня убить ради собственной прихоти.

– Стой! – рявкнул маг.

Успел все же схватить за руку, нещадно дернул на себя, захватывая локтем горло. Я все ещё брыкалась, ударила его локтем куда-то под ребра, он зашипел, но руку не разжал. ♣– Не трепыхайся, дура, ещё нужна!

И в следующий миг в глаза брызнул золотистый свет открывшегося портала.

***

На несколько мгновений мы провалились в непроглядный мрак, который, тем не менее, то тут, то там оказался прошит яркими золотыми волокнами, у которых не было ни начала, ни конца. Маг все ещё сдавливал мне шею, я вяло трепыхалась у него в руках, скорее по инерции, потому что в самом сердце сотворенного портала ничего я сделать не смогу с моим крошечным целительским даром. Да и вообще ничего не смогу. Я задыхалась, и на миг мне даже показалось, что я сейчас задохнусь окончательно и умру. Сама, без всяких запрещенных опытов и жертвоприношений. Но уже в следующее мгновение мы вывалились куда-то в узкий темный коридор, перед глазами поплыли старые серые камни, без штукатурки, кое-где расцветшие зеленоватыми пятнами плесени.

– Пусти! – просипела я, – ты не посмеешь!

Но он тащил меня куда-то быстро и молча, тяжело сопя у меня над головой. А потом

резко
развернул вокруг своей оси – передо мной распахнулись высокие деревянные двери, словно их кто-то хорошенько пнул изнутри. В лицо дохнуло жаром, словно из печи, и я застыла, судорожно пытаюсь сообразить, что это – и чем мне грозит.

– Ну, пошла, пошла! – зло прикрикнул маг, купивший меня, и толкнул в спину.

Да так толкнул, что я влетела в двери и упала на пол. Позади раздался гулкий удар. Я только и успела, что обернуться: двери за моей спиной захлопнулись.

А в ушибленных коленях стремительно разливалась боль, такая острая, обидная. Всхлипнув, я осторожно поднялась, опираясь на руки, и вот так, стоя на четвереньках, едва прикрытая плащом, принялась озираться.

Варгов маг! Что он замыслил, забрасывая меня сюда? Почему так торопился?

В голове теснились десятки вопросов, бестолково вертелись, толкались, словно толпа дебютанток на ежегодном Балу Роз. А я, лишенная всего Кора Лайс, все ещё стояла на четвереньках и оглядывала помещение, в котором так внезапно и против воли оказалась.

Наверное, это была чья-то спальня. Только уж очень мрачная и неухоженная, с потемневшей от времени грубой мебелью. У дальней стены – кровать под тяжелым балдахином непонятного цвета и очень пыльным. Пара стульев, тоже старых, неудобных, с жесткими сиденьями и спинками. Еще я заметила окно, арочное, застекленное по старинке, круглыми мутными стекляшками. В оконном же проеме горела свеча в кованом подсвечнике, и ещё одна свеча стояла на сундуке в углу комнаты – вот и все освещение. А у кровати внезапно я увидела медный таз с грязной, кажется, кровавой водой. На блестящем бортике висела тряпка в бурых разводах.

И все-таки, зачем я здесь?

Кое-как поднялась, подобрала полы плаща, запахнула его на груди. Предчувствие, залегшее под сердцем, словно холодный червяк, нашептывало о том, что просто так бы этот маг меня сюда не швырнул. Но что же здесь такого, в этой комнате?

– Эй, – тихо позвала я.

Так и не дождавшись ответа, развернулась, босиком прошлепала к двери, стукнула в нее кулаком.

– Выпустите меня! Кто-нибудь!

Ну не оставят же они меня здесь умирать, в самом деле? Даже для магического опыта как-то скучно.

На душе было гадко, так гадко, как только может быть у девушки, которая ещё несколько дней назад блистала в свете, при дворе его величества Ратмунда Второго, а теперь – сирота, похищенная, увезенная непонятно куда, да ещё и купленная неведомо кем с непонятной целью. Захотелось плакать. И – господи! – как же хотелось, чтобы на голову легла тяжелая ладонь отца, чтобы он погладил меня по волосам и сказал что-нибудь вроде «не плачь, дочка, перемелется». Я невольно всхлипнула. Папа, папа. Как внезапно ты отошел к господу нашему, как много я не успела тебе сказать. Да и варги с этими балами, и с этим богатством – лишь бы только ты ещё немножко побыл рядом...

Я стукнула в дверь ещё раз.

И внезапно услышала за спиной шипение, от которого волосы зашевелились на голове.
▲Несколько мгновений я стояла, замерев. Я просто трусила, отчаянно трусила, боялась обернуться, потому что... кажется, уже тогда знала, что увижу там собственную смерть.

Шипение сменилось клцаньем когтей по камню. Что-то – или кто-то – медленно двигалось ко мне, явно хромя, припадая на ногу.

Я зажмурилась – и все же обернулась. Вопль застыл в горле, и я так и не поняла, как начала медленно, спиной, сползать по двери на пол.

Почему я не заметила это сразу же? Или оно пришло сюда откуда-нибудь из потайного хода? Оно не было человеком. Вернее, очертания казались вполне человеческими, мужскими, но вот кожи... не было. По телу гуляла вязкая тьма, перекатывалась волнами, и там, где она немного редела, алели свежие раны, глубокие, рваные. Мне померещилось, что я вижу осколки костей, обрывки белых сухожилий. И на месте головы твари тоже пузырилась тьма, черная, глянцево-блестящая в бледном трепещущем свете. Глаза... да, у твари были глаза... кажется. Яркие, янтарные, нечеловечески большие.

– Господи, – выдохнула я.

Больше сил ни на что не осталось.

Тварь подходила и подходила, подволакивая ноги, клацая по камням когтями, медленно протягивая ко мне руки с неправильно-длинными и одновременно скрюченными пальцами. Только это и маячило перед глазами: катающаяся тьма, и жуткие раны под ней.

– Нет! – я вскинула руку, инстинктивно защищаясь.

И в этот момент монстр навалился на меня, опаливая неестественным жаром своего тела. Тьма, пузырящаяся на нем, словно почуяла добычу, потянулась ко мне десятком жал, как будто прилепилась и к моей коже.

– Нет! – взвизгнула я, пытаюсь оттолкнуть от себя чудовище.

Кажется, ударила кулаком куда-то в глаз. Тварь рыкнула, схватила меня, оттаскивая от двери, подминая под себя, заставляя задыхаться от окутавшего меня жара.

Нет, оно не пыталось раздвинуть мне ноги, или ещё что-то такое.

Но дышать стало невозможно. Я барахталась в обжигающем мареве, мое тело, казалось, воспламенилось – да и уже по нему, по коже, катались черные языки тьмы.

– Господи, папа... – потолок с темными балками завертелся и куда-то поплыл. Сердце прыгало где-то в горле, и в легкие словно насыпали уголей.

Я тонула в огне. Но в какой-то миг господь сжалился надо мной, и все с оглушающим скрежетом провалилось в ничто.

▲ГЛАВА 1. Над Бездной

Я дернулась и открыла глаза. Дыхание тут же сбилось, сердце подскочило куда-то к горлу, и я инстинктивно попыталась подняться – но не смогла. Тело... Я его едва чувствовала. Словно проросла корешками в жиденький кисель. И вроде бы дергаешься, корешки напрягаются, но кисель не сдвинуть с места. Высоко над головой застыл светлый, беленый потолок с закопченными балками, стояла звенящая тишина. Откуда-то сбоку падал золотой сноп солнечного света... Я зажмурилась.

Что-то словно надломилось внутри, и воспоминания хлынули грязным потоком, закружили, грозя лишить рассудка. Внезапно стало так холодно, что я затряслась и, кое-как подняв

руки, стиснула
пальцы.. Мои руки. Мне казалось, они должны были обгореть и напоминать обугленные
головешки.
Ведь та тварь, которой меня попросту скормили... Она была такой горячей, как
поlying костер,
и я тогда растворилась в этом жутком пламени. Кровь кипела и оседала бурой
пузыристой пеной.
Тем не менее, руки оказались моими, со светлой кожей, тонкими пальцами. Изрядно
похудевшие,
но без следа ожогов.

А теперь я начала мерзнуть. Зубы клацали, но я, наконец, ощутила собственное
тело целиком. Оно
тряслось в жестоком ознобе, во рту стало кисло. Я кое-как повернула голову
набок: оказывается,
рядом стояло кресло, обитое серой косматой шкурой, а там, свернувшись клубочком,
укрывшись
пуховой шалью, спала девочка лет десяти. Она была очень бледной, эта девочка,
под глазами
залегли тени, но на щеках горел неестественно яркий румянец. И жиденькие волосы
рассыпались
по узким плечам.

Я окончательно запуталась.

Меня скормили жуткой огненной твари – но я все ещё жива.

Теперь вот... эта комната, тесная, бедная. И девочка рядом.

– Эй, – сипло выдавила я.

Девочка резко вздрогнула, распахнула глазищи – большие и синие, словно озера.
Казалось, узкое и
худое личико просто в них утонет. Она несколько мгновений непонимающе смотрела
на меня, затем
закашлялась, нехорошо так, и поспешно выпутавшись из шали, вскочила на ноги.

– Санна! – кинулась ко мне. Темно-серое шерстяное платье болталось на ней, как
на вешалке. –

Санна, вы пришли в себя, как хорошо! А то уж и не надеялись мы. Как дядька Терф
вас сюда
принес, так мы уж от вас не отходили. Саннор Фейдерлин приказал вас выхаживать,
а если не
умрете, глаз потом не спускать. Хотя, – тут она подозрительно прищурилась, – вы
первая, кто
выжила.

– Где я? – голоса не было, лишь шепот. Да ещё эта проклятая дрожь. Я все ещё
продолжала
мерзнуть, хоть и была укрыта тяжелым одеялом.

– Да вы попейте водички, санна, – девочка улыбнулась, – вам надо много пить, так
сказал саннор
Фейдерлин.

Откуда-то в ее тонких руках уже появилась плошка с водой, девочка подсунула мне под затылок руку, приподняла голову. Первый глоток дался тяжело, тело словно и забыло, как это – пить и есть. Но затем я вцепилась в посудину двумя руками. Прохладная влага лилась и лилась в горло, я давилась и жадно глотала, боясь упустить хотя бы каплю. А потом рухнула снова на подушку. Озноб отступил, и как будто стало легче.

– Где я? – повторила свой вопрос, – ты можешь сказать?

– Так это, в замке клана Ши, – сообщила девочка.

Она отошла, поставила куда-то пустую плошку, затем вернулась. Некоторое время мы молча рассматривали друг друга, я невольно подмечала, как тяжело она дышит. Дар целительства вяло шевельнулся в груди, словно в этой девочке было что-то для него интересное. Я невольно положила руку на грудь, успокаивая пульсирующую магию. С этим – позже... Когда сил наберусь. Когда пойму наконец, как быть дальше. Слова «клан Ши» совершенно ни с чем не вязались.

– А вы красивая, – наконец заключила девочка, – жаль, что вас купил саннор Фейдерлин.

– Это... блондин? Маг? – просипела я и поняла, что начинаю краснеть.

Не было моей вины в том, что мачеха меня тайно продала, о чем мне и сообщили похитители, не было вины и в том, что, подчиняясь командам менталиста, я позволяла себя рассматривать там, на помосте. Но все равно было стыдно.

– Ага, – кивнула моя собеседница и наморщила нос, – мы его не любим. И сестрицу его тоже. Она все хочет выйти замуж за лорда дракона.

– Дракона? – эхом повторила я.

– Клан Ши – все драконы, – назидательно сказала девочка, – а Арктур Ши – лорд-дракон. Неужто не знаете?

Я покачала головой. Нет, я ничего этого не знала. Хотя... если подумать хорошенько...

Наша земля – расколотый мир. Острова плавают над Чашей Тьмы. А у самых ее краев, там, где постоянно заливается снаружи Хаос... Да, я краем уха слышала, что есть драконьи заставы, и что драконы оберегают нас от варгов, тварей хаоса. Но тогда... Меня все это мало

интересовало. Я думала о хороших книгах, о подругах, которые, как мне казалось, у меня были, о том, как весело танцевать котильон на балу, и о том, что хоть я росла и без мамы, но у меня такой добрый любящий отец.

Горло тут же взялось спазмом, рыдания рвались из груди, и я изо всех сил зажмурилась, выжимая из глаз первые слезы.

Далеко же меня занесло от центральных островов. На драконью заставу! Но, выходит...

Кое-как сглотнув горький комок, я вновь посмотрела на девочку. Она стояла рядом и спокойно ждала дальнейших расспросов.

– Ты... сказала, что... до меня были другие девушки. Что их убило?

– Ну, известно что, – она покачала головой и вновь кашлянула, – лорд дракон. Иногда на границе бывает так тяжело, и он получает такие раны, что не может восстановиться. Он ведь ведет за собой клан и бросается в гущу боя. Остальные-то драконы послабее будут, так, мелочь одна. А потом не может вернуться к человеческому телу. А ведь всем известно, что лучшее лекарство для дракона – чистая дева...

– Жизнь чистой девы, – хрипло уточнила я.

– Ну, да, – она развела руками. Мол, а что тут сделаешь?

– И как... часто саннор Фейдерлин покупал чистых дев вашему лорду дракону?

– Последнюю привозил года два назад, – неохотно сказала девочка и зябко обхватила себя руками, – я так плакала, когда она умерла. Мне ее так жаль было... И как хорошо, что вы выжили! Теперь, саннор Фейдерлин сказал, что никого больше не будет привозить. Вы будете тут жить, и каждый раз...

– Понятно, – перебила я ее.

Очень хотелось выругаться теми словами, которые я выучила от нашей горничной, и употребление которых в лексиконе благовоспитанной барышни так порицал папа. То есть, меня теперь будут держать здесь, как этокое зарядное устройство, время от времени используя и практически убивая. А не пойти бы саннору Фейдерлину в известном направлении?

– И вот ваш дракон... он преспокойно живет дальше, зная, что его жизнь стоит жизни многих ни в чем не повинных девушек? – пробормотала я скорее себе.

– Я не знаю, – девочка пожала плечами, – но его долг – защищать Чашу и Острова. Если варги прорвутся, нам всем конец. По крайней мере, на этом острове.

– Как тебя зовут? – потрясенная услышанным, я кое-как сообразила, что до сих пор не знаю имени моей маленькой сиделки.

– Айта, меня зовут Айта.

– А меня – Кора, – сказала я и протянула ей руку.

Очень хотелось верить в то, что она будет моей подругой до того момента, как я отсюда сбегу.

***

Айта посидела со мной ещё немного, но по большей части молчала. Лишь изредка покашливала в уголочек шали. Я же пыталась собраться с мыслями и сообразить, что мне делать. Конечно, сперва следовало подняться, а вот потом? Есть ли на острове вход в королевские порталные линии? Насколько он тщательно охраняется? И если даже мне удастся сбежать, куда я пойду, без денег, без документов? Как доберусь если не до дома, то хотя бы до людей, которые смогут помочь?

А сквозь сумбурно пляшущие обрывки мыслей просачивались воспоминания, такие наивные, немножко глупые и очень чистые. Мое восемнадцатилетие... Я спускаюсь по лестнице в пышном кипенно-белом платье с открытыми плечами. В нем я похожа на пирожное безе, такое же воздушное, сладкое. У меня довольно смуглая кожа и карие глаза, и волосы темно-коричневые, словно крепкий кофе. Белый цвет удивительно мне к лицу. И кажется, что весь мир простерся у ног, словно мраморная лестница нашего особняка. У ее подножия меня ждет отец, в адмиральском мундире, с белой розой в руке... Он тогда плакал, глядя на меня, мой милый папа, а я постеснялась спросить, почему. Вечером же отмечали именины, со мной все время танцевал наш сосед, Эндрю, и, казалось, он обязательно продолжит знакомство, но... как мне потом нашептывала моя служанка, «ваш папенька ищет более выгодную партию».

Не знаю, почему мне вспомнился именно тот день. Возможно, слишком велик был контраст между

мною тогдашней, три года назад, беспечной санной из богатой семьи, и нынешней – больной, совершенно разбитой, едва не сожранной лордом-драконом, использованной. Похищенной и проданной. Мне казалось, что я сижу на дне глубокого колодца, в холодной грязи, и смотрю на саму себя, где-то там, на фоне яркого неба, все в том же воздушном платье и с белой хризантемой в прическе. Я не знала, что мне делать. Понятия не имела, куда податься, даже если получится бежать. Да и... вдруг сюда не заходят порталные линии, а лишь Фейдерлин может переноситься на остров? Мысли крутились словно белки в колесе, почти сводя с ума, а я лежала и беспомощно таранилась в потолок – до тех пор, пока не скрипнула дверь и в комнате не появились новые действующие лица моей собственной драмы.

Первой я увидела дородную женщину лет сорока, моложавую, в опрятном белом чепце и чистом переднике поверх серого платья. Мне сразу понравилось ее лицо, лучистые морщинки вокруг глаз говорили о том, что она часто смеется, полные румяные щеки намекали на хороший аппетит. Я видела, что она следит за собой, даже оказавшись на драконьем острове: полукружья бровей были аккуратно выщипаны в ниточку, глаза и губы слегка подкрашены. Тяжелые серебряные серьги в ушах намекали на то, что женщина эта не бедствует, возможно, занимая высокую должность в замке.

Следом за ней, пригибаясь, в дверь протиснулся высокий мужчина, одетый так незатейливо, что сперва я приняла его за разнорабочего: простая рубаха и штаны, вот вам и все. Однако, стоило ему разогнуться, стало видно, что и лицо у него чисто выбрито, и причесан он аккуратно, да и вообще... Глаза не наши, не человеческие. Они были словно тающий на солнце мед, яркие, желтые. С узким вертикальным зрачком.

Я сглотнула и невольно поежилась. Похоже, ко мне пожаловал кто-то из клана Ши? Или же... Тот, кто едва меня не убил?

Между тем женщина решительно шагнула ко мне, всплеснула руками и рассмеялась, располагаяще и просто.

– Айта! Айта, засоня! Что ж ты не бежишь мне сказать, что санна очнулась?

Девочка в кресле завозилась под шалью, засопела, потом все же встала и слегка поклонилась.

– Вы же сами сказали – не беспокоить, пока не закончите с расчетами.

– И то правда, – она уже склонилась надо мной, словно забыв о присутствии всех прочих, – ну что, милочка, как ты?

Глупый вопрос. Что я должна была ответить? То, что невероятно счастлива оттого, что пришла в себя, после того, как меня подбросили дракону?

В этот миг заговорил и дракон.

– Так я пойду, передам саннору Фейдерлину, что она очнулась?

– Не торопись, – поморщилась женщина, словно само имя Фейдерлина вызывало по меньшей мере изжогу, – через пару дней скажешь, понял? Пусть придет в себя.

– Как скажете, санна Левия, – парень неловко потоптался, я чувствовала, что он меня с интересом рассматривает.

Потом он все же спросил:

▲— А что сказать лорду Арктуру?

– Иди уже, – Левия махнула рукой, – говори, что приказал маг. Лиар фейдерлин так просто отсюда не уберется, и мы с тобой это знаем. А злить его не стоит, больно силен, подлюка. И ты, Айта, поди прочь. Мне надо поговорить с санной.

Когда мы остались одни, Левия подвинула кресло ко мне поближе и расположилась в нем. Еще несколько минут мы рассматривали друг друга, и я подумала, что мы немного похожи: все те же темные волосы и карие глаза. Наверное, когда мне будет столько же лет, сколько Левии, у меня тоже появятся эти зазорные морщинки-лучики – потому что я любила улыбаться. Раньше любила.

– Как ты себя чувствуешь? – повторила она, глядя на меня с прищуром.

Я, распластанная на постели, пожала плечами. На этот вопрос отвечать совершенно не хотелось.

– Тебе повезло, – Левия откинулась на спинку кресла, – до тебя были две девушки, которые не пережили... этого. Но ничего не поделаешь, всему своя цена. Фейдерлин сказал, что, возможно, ты не умерла оттого, что в тебе есть магический дар. Возможно, поэтому ты и удержалась на краю. –

Она помолчала задумчиво и продолжила: – я здесь управляющая лорда-дракона, можешь звать меня Левией. Скажи, что ты умеешь делать? Здесь бездельников нет, в замке клана

все что-то
делают. Стряпать умеешь?

Я едва не рассмеялась. Кое-что, конечно, я умела... Только вот ни стряпня, ни стирка, ни уборка в это «что-то» никак не входили.

– Отпустите меня, – сказала тихо, – мой отец был адмиралом. Я тут буду бесполезна.

Левия мягко улыбнулась.

– Да ладно. Дочерей адмирала не продают как будущих шлюх. А саннор Фейдерлин сказал, что купил тебя на таком аукционе.

– Я не шлюха. Я попала туда обманом.

И поняла, что уши просто пылают. Кого следовало отдать дракону, так это мою мачеху. Жаль, что она не была невинной девой.

– Даже если и так, – Левия окинула меня выразительным взглядом, – даже если ты попала на торги обманом, купили-то тебя вполне законно. У меня на столе лежит купчая, от имени лорда-дракона. Так что теперь ты принадлежишь ему. А то, что выжила... Дает надежду на то, что в следующий раз не придется искать новую девушку. Обойдемся твоими силами.

– То есть, вы считаете, что я должна теперь пожизненно обслуживать... это? – не удержалась я.

– Ну уж как получится, – на полных губах управительницы появилась тонкая улыбка, – но в любом случае, убежать отсюда невозможно, королевские порталы сюда ещё не заведены, пока только в проекте. Так что не торопись, осмотришь. Твоими, хм, услугами лорд будет пользоваться не так уж и часто. Всплески хаоса не так уж и часты. Однако, на глаза ему постарайся лишний раз не попадаться, Фейдерлин будет зол, а нам не с руки с ним ссориться.

Я поморщилась. Фейдерлин то, Фейдерлин се. Похоже, у него здесь свой интерес? А если его так боятся здешние, почему не скажут об этом дракону? Или дракон и сам на коротком поводке?

Я сделала мысленную отметку, что нужно будет разобраться, что здесь происходит. А вслух наивно поинтересовалась:

– А что, если я потеряю невинность? Вы же понимаете, что она сегодня есть, завтра – нет.

Улыбка на губах Левии стала ещё шире.

– Если ты станешь бесполезной для восстановления лорда дракона, тогда тебе не останется ничего иного, как обслуживать его клан. Двадцать молодых и резвых драконов. Так что подумай хорошенько, что для тебя выгоднее. И ты так и не ответила на мой вопрос: что умеешь делать?

– Вышивать, – процедила я сквозь зубы.

– Значит, будешь белье штопать, – с энтузиазмом заключила Левия.

***

День прошел в полудреме. И ещё день. А потом еще. Со мной постоянно сидела Айта, приносила мне жиденький и постный суп, кормила меня с ложечки. Тело по-прежнему было ватным и безвольным, сил не хватало даже на то, чтобы самостоятельно есть, и вся пища казалась на вкус что жеваная бумага. Однако, я уже уверилась в том, что не умру, и поэтому старательно съедала все до крошки, пила какие-то горькие отвары, которые приносила Левия. Я должна была подняться на ноги, как можно быстрее, а там – ещё посмотрим, кто кого.

И вот однажды утром я открыла глаза и поняла, что сил добавилось. В окно светило солнце, я подняла руку, которая внезапно перестала казаться куском желе, поймала ладонью солнечный зайчик. Там, за тусклыми стеклами, росло большое дерево, и поэтому, когда дул ветер, по комнате плясали узоры из теней и света. Я впервые осмотрелась и, к собственному удивлению, почувствовала радость. Вот так, в бедно обставленной камерке, купленная пленница, лишённая всего – и радость.

«Я выздоровею», – мелькнула мысль.

А я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Айты не было в комнате, и этому я тоже обрадовалась. Мне не хотелось, чтобы она видела мою слабость, сейчас, когда я попытаюсь самостоятельно подняться. Хотя Айта не стала бы злорадствовать: она была доброй девочкой, носящей в себе недуг, и оттого была ещё и несчастной. Для себя я решила, что как только силы вернутся, займусь ей: незачем умирать, ещё не пожив толком.

И вот я повернулась набок, уперлась локтем в постель – изо всех сил, так, что мгновенно прошиб холодный пот – но все-таки села. Комната закружилась перед глазами, все поплыло в бок, но я задышала глубоко, потерла глаза, и все снова обрело устойчивость. Слабость, болезнь медленно отступали, а я в мыслях уже ходила, разведывая обстановку на острове.

Я немного посидела-посидела и легла обратно. Оказалось, очень вовремя: пришла Левия, как всегда, улыбочивая, приветливая. Хоть она и была здесь, по сути, моей надсмотрщицей, злиться на нее я почему-то не могла. Возможно, потому что Левия всегда находила, как меня поддержать – шуткой или таким грубоватым сочувствием.

Сегодня Левия принарядилась. На ней было дорогое платье, из тафты, светло-серое. И в ушах объемные серьги из серебряной филигрании. Волосы уложены в косу, и коса закручена на затылке, закреплена шпильками. Слово событие какое в замке...

– Как дела? – осведомилась она.

– Лучше, – обманывать не было смысла. Не буду же я вечно валяться в кровати?

Левия расправила подол, аккуратно уселась в кресло и, подперев подбородок ладонью, о чем-то задумалась. Она слегка хмурила брови, отчего я решила, что, невзирая на нарядную одежду, происходящее в замке не слишком-то ее радует.

Наконец она снова посмотрела на меня и сказала:

– Сегодня опять прибыла санна Фейдерлин. Весь день замок стоит на ушах. То ей не так, се ей не так. Голову мне заморочила. ?ще и наряжаться надо, ей, видите ли, нужна компаньонка...

– Это супруга саннора Фейдерлина? – наивно поинтересовалась я. А потом вспомнила, что мне рассказывала Айта в самом начале. Сестра, конечно же, которую Фейдерлин хочет выдать замуж за лорда-дракона.

– Да прямо, супруга, – Левия фыркнула, – сестрица, Катрина Фейдерлин. Все никак, бедняга, не охмурит нашего лорда. Уж старается-старается, только что из платья не выпрыгивает. А он на нее смотрит, ну, примерно, как на стену. Н-да.

Она помолчала минутку, а затем добавила:

– Но в этот раз, похоже, все будет серьезно. Фейдерлин уломал лорда жениться.

Через неделю
помолвка у них. Так что, Кора, если хочешь поглядеть одним глазком, в твоих
интересах побыстрее
приходить в чувство.

Я пожала плечами.

– Да я бы и рада. Лежать здесь тоже удовольствия мало, санна Левия. И мне бы
хотелось
посмотреть на невесту лорда-дракона, очень.

Левия чуть подалась вперед, чтобы быть ближе ко мне, и негромко сказала:

– Не понимаю я, что за игру ведет Фейдерлин. Приказал, чтобы тебя Арктуру не
показывали.
Боится, что уведешь дракона у Катрины? Но лорд-дракон не знает и так отказа у
нашей сестры.
♠Хорош, зараза, ой хорош...

– А почему вы делаете то, что приказывает саннор Фейдерлин? – спросила я тем
голосом, которым
могла бы говорить невинная овечка, – разве он здесь хозяин?

Она улыбнулась, но как-то грустно.

– Так ведь понятное дело, Кора. Мы здесь живем у самого края Чаши, где влияние
сил Хаоса
весьма велики. Ты что-нибудь слышала о кристаллах дифлиума? Вижу, что нет. Так
вот, Кора,
глубоко под замком – дифлиум, всего несколько штук. Они спасают нас от безумия,
которое со
временем поглощает всех рядом с Хаосом. А маг, Фейдерлин то есть, занимается
тем, что их питает,
а заодно и настраивает спектр дифлиума на каждого из здесь живущих. Как ты
понимаешь, при
такой тонкой настройке Фейдерлин может запросто ошибиться. А никому не хочется
сойти с ума и
броситься с края острова.

– Но лорд-дракон мог бы нанять другого мага, – возразила я, – почему вы терпите
Фейдерлина,
если он вам не нравится?

– Лорд-дракон не наймет другого мага и уж тем более не будет никого из нас
слушать, – в голосе
Левии скользнули стальные нотки, – потому что Фейдерлин – его молочный брат и
неоднократно
спасал ему жизнь.

– Доставляя вовремя невинных девушек, – вставила я, понимая, что, возможно,
сейчас разозлю
Левию.

– И это тоже, – она хмыкнула. – Но, Кора, с другой стороны, Фейдерлин не требует

от нас ничего
сверх наших способностей. Он хорошо выполняет свои обязанности. Благодаря ему мы
все живы и
здоровы, и драконы хранят края Чаши, сражаясь с варгами.

– А лорд-дракон... знает обо всем этом? – я все не унималась. Мне казалось
странным и
неправильным, что на драконьем острове всем заправляет противный маг, в то время
как хозяином,
по идее, должен был быть дракон.

– Конечно же, не знает, – со вздохом ответила Левия, – вернее, про девушек он
знает. Фейдерлин
говорит, что это единственно возможный способ восстановить дракона, в котором
едва теплится
жизнь. А вот о том, что Фейдерлин здесь как бы второй хозяин – нет, не знает. Да
и зачем ему об
этом знать? Мы тут в тепле и сытости, никто перемен не хочет. Кто знает, что
будет, если лорд
Арктур узнает о маленьких самоуправствах своего молочного брата?

– У меня вопрос, – я даже приподнялась на кровати, – коль Фейдерлин приказал
меня дракону не
показывать, то что лорду-дракону сказали обо мне? Что я тоже умерла?

Левия пожала плечами. Солнечный луч заиграл в филиграни ее серьги.

– Отчего же. Фейдерлин сказал, что ты совершенно лишилась рассудка и лежишь
овощем. Я
слышала, что Арктур хотел на тебя посмотреть, но Фейдерлин его отговорил,
сказал, мол, смотреть
там уже не на что. Но убеждал, что тобой можно будет попользоваться ещё раз, что
ты – крепкая,
выживешь, хоть и лишилась рассудка. Лорд-дракон остался этим доволен. Ну, в
смысле, доволен
тем, что не нужно больше убивать других девушек, когда есть ты.

«Сукин сын, – подумала я, – доволен он остался!».

И мне стало действительно интересно посмотреть на того, кто меня чуть не убил.
Ну как, интересно
было в основном оттого, что хотелось понять: он дурак? Или слепой? Или что?
Почему так легко
ведется на ложь? Настолько доверяет Фейдерлину? Или лорду-дракону попросту
ничего
неинтересно за пределами познания о варгах и Хаосе?

– А драконы тоже подвержены безумию от близости хаоса? – только и спросила я.

– ?ще как, – ответила Левия, – по крайней мере, с этой стороны. Поговаривают,
если дракона
затащить в Хаос, плохо будет тем, кто по ту сторону. Но я ничего толком не знаю.

Я приуныла. Похоже, что хозяином острова и в самом деле был маг Фейдерлин.

Потому что даже лорд-дракон прекрасно понимал, что, если Фейдерлин «случайно» допустит ошибку, то безумие поглотит и его самого.

Мало кто может смело смотреть в глаза собственному подкрадывающемуся сумасшествию.

***

На следующее утро, воспользовавшись тем, что моя маленькая бессменная сиделка отлучилась, я кое-как встала на ноги. Все снова плыло и кружилось, но я успела опереться о высокое изголовье –
▲и потому осталась стоять. Все правильно, я была дочерью своего отца, а человек, дослужившийся до чина адмирала, лично водивший в бой корабли, умел бороться, буквально выгрызая свое у судьбы.
И у меня получится. Я еще не знаю, как – но этот остров не станет моей тюрьмой, а мачеха – о-о-о, она окажется в тюрьме до конца дней своих. Все так получилось только потому, что она действовала быстро и, что уж там, неожиданно.

Я обливалась холодным потом, но все ещё стояла на ногах. Потом и держаться перестала, выпрямилась, осматриваясь. Конечно, я уже успела разглядеть все в этой комнатке, но одно дело – делать это, лежа пластом, и совсем другое – с высоты своего роста. Возможность посмотреть на мир чуточку свысока придавала уверенности в собственных силах, а заодно и в будущем.

Вот кресло, обитое серым мохнатым мехом. За спиной – кровать и небольшое окно с мутноватыми стеклами, за которым колышутся ветви большого дерева. Сбоку – маленький столик, на котором Айти всегда оставляет воду, кувшин и кривобокую глиняную кружку. На полу – истертый до дыр тканый коврик.

Я сглотнула и посмотрела на дверь. Весьма обшарпанная, из плохо оструганных досок, она казалась мне олицетворением свободы. Добраться до нее, распахнуть – и все, иди на все четыре стороны. Конечно, это было глупостью, так думать, но я решила: если сейчас доберусь до двери – скоро освобожусь. Мысли о том, что я могу свалиться мешком посреди комнаты, я не допускала.

Вдохнув поглубже, я сделала первый шаг. Стены тут же предательски дрогнули, пошатнулись, но я растопырила руки в стороны – и удержалась. Прикусив губу и стараясь дышать как можно глубже,

сделала ещё один шагок, так, мелочь, передвинула другую ногу чуть вперед. Снова получилось. И, воодушевленная столь легким успехом, я так и поковыляла вперед, к заветной двери, балансируя руками, вытягивая их то в стороны, то вперед, совершенно не думая о том, как пойду обратно, о том, что если кто войдет, а я в одной коротенькой рубашонке, застиранной до состояния сеточки.

И я дошла. Это была великая победа. Выдохнув с облегчением, смаргивая назойливых мошек, что роились перед глазами, я вытянула вперед руки, чтобы дотронуться до деревянной поверхности... Но не успела. В тот самый миг, когда мои пальцы должны были вот-вот коснуться двери, кто-то резко дернул ее на себя. Я едва не взвыла от досады, как же так, мою удачу уводили у меня из-под носа! И почему Айту угораздило вернуться именно в этот момент?

Дверь открылась. А я, сообразив, кто стоит у порога моей комнаты, неловко попятилась и наверняка бы упала, но... он успел меня схватить за руку.

– Да ты делаешь отменные успехи, пташка, – на меня в упор смотрели ледяные глаза.

– Не пойму, когда это мы стали на «ты», – я выдернула пальцы из его хватки, комната угрожающе накренилась... В следующий миг он подхватил меня под талию, придерживая, с интересом рассматривая мое бессильно запрокинутое лицо. Варгов маг, Лиар Фейдерлин. Негласный хозяин этого острова и человек, который втолкнул меня в комнату, где уже поджидала верная смерть.

– Наверное, в тот самый момент, когда ты голая стояла на помосте, а на тебя пялились все присутствующие, – обманчиво-мягко ответил он, – как считаешь, это повод перейти на «ты»?

Я промолчала. Кажется очень странным препираться с мужчиной, который держит тебя, почти что голую, на весу.

– Вот и правильно, санна, – издевательски заключил он, – иногда надо вовремя закрыть рот.

– И не рассчитывайте, – все же буркнула я, – вы бесчестный, циничный негодяй. Как жаль, что магическое сообщество этих островов не знает, что вы покупаете девушек, чтобы скормить их дракону.

А сама его рассматривала. Тогда, в потемках, потрясенная всем происшедшим, я

запомнила лишь
бледное лицо, колючий взгляд и светлые волосы. Не портрет – набросок. Теперь же,
в свете дня, я
могла видеть и то, что высокий лоб с небольшими залысинами тронут тонкой
морщиной меж
бровей, как будто Лиар привык хмуриться. И то, что волосы у корней темнее, и то,
что щетина на
его квадратном подбородке тоже темная. Щеки впалые, выступающие скулы. Прямые
брови.
Скульптурное, но хищное лицо. Такой, если вцепится, уже не отпустит.

– Нравлюсь? – ехидно шепнул он, чуть улыбнувшись.

Таких вопросов мне, дочери адмирала, ещё не задавали. И я уже открыла рот,
готовясь сказать что-
нибудь этакое, язвительное, как Фейдерлин меня опередил:

– Спешу тебя огорчить, пташка, пока ты мне нужна невинной овечкой. Хотя –
господь
свидетель! – такие прелести пропадают, никому не нужны!
♣И выразительно заглянул в ворот моей рубашки.

Я задохнулась от возмущения. Кровь ударила в голову, я неловко дернулась,
собираясь залепить
нахалу пощечину, но он меня опередил, ловко перехватив руку.

– Идем, пташка, на кровать. Ты рано прыгаешь.

– Да что вам нужно? – наконец выдавила я, сгорая от стыда.

Так со мной себя ещё не вел никто. Но тогда... меня оберегал отец, а теперь я
стала никому не
нужна, да и вообще стала никем.

– Поговорим? – совершенно спокойно предложил Фейдерлин и потащил волоком в
сторону
кровати.

Выходит, я так и не добралась до двери. Думать о том, что точно так же не
доберусь до свободы,
было неприятно. А тем временем Фейдерлин ловко уложил меня в постель и даже
заботливо укрыл
тяжелым одеялом. Сам же уселся напротив, в кресло, смахнул с рукава сюртука
несуществующую
пылинку, поправил запонки и уже без улыбки уставился на меня своими страшными
холодными
глазами.

– Тебя уже поставили в известность, кто я такой?

– Разумеется, – я отчаянно краснела, но все ещё пыталась держать лицо и вести
вполне светскую
беседу. В конце концов, он должен понимать, что не шлюху безграмотную купил на
том аукционе.

Возможно, именно в этом мое спасение. – Вы следите за состоянием дифлиума на этом острове.

– И что это значит, пташка? Как полагаешь?

– То, что вас следует слушаться, – я невольно скривилась, так неприятно было это говорить.

– Вот именно, – он, казалось, повеселел, совсем по-мальчишечьи взъерошил волосы, – состояние твоего рассудка тоже теперь от меня зависит, пташка, понимаешь? Поэтому, если хочешь жить долго и счастливо, меня нужно слушаться, милая.

– Лорд-дракон тоже вас слушается? – я взглянула на него из-под ресниц.

Было неправильным злить Фейдерлина, но что-то подзуживало меня, заставляя кусаться и огрызаться.

– Языкатыя, м-м-м? – маг подпер кулаком подбородок, словно наблюдать за мной было забавнейшим занятием. И тут же пояснил:

– Мы просто не лезем в дела друг друга. Арктур занимается Хаосом, варгами, своим кланом и своим островом, а я делаю свою маленькую работу, а заодно периодически спасаю ему жизнь... когда варги рвут его на части так, что он не может обратиться и разваливается на ходу. Ты же видела его, так ведь, пташка? Сплошные раны. И, тем не менее, это необходимо и неизбежно, сила чистой девы в обмен на восстановление. На лорда-дракона завязана оборона острова, а когда появится следующий – неизвестно. Поэтому девицы нам просто необходимы время от времени.

Я промолчала. Он знал, что мне больно слушать это, как напоминание о том, что со мной сделала та тварь, но специально и расчетливо бил именно туда, где неприятнее всего.

– Я хочу, чтобы ты держалась от него подальше и чтоб он тебя не видел, – без обиняков заявил Фейдерлин.

– Бойтесь, уведу у вашей сестры?

– Может, и боюсь, – он прищурился, – только правды ты все равно не узнаешь. В общем, не показывайся лорду-дракону на глаза, маленькая пташка, и, возможно, я ещё отпущу тебя на свободу. Ты ведь хочешь на свободу?

– Вы же решили, что я буду всегда «спасать» вашего лорда, – я изобразила

светскую улыбку, –
зачем тогда обещаете свободу?

– А кто сказал, что «всегда»? Когда он женится на Катрине, твои услуги более не понадобятся. Я,
так и быть, уговорю его выписать тебе вольную, отправишься на все четыре стороны. Даже
документы оформлю и билет на корабль куплю.

Я невольно нахмурилась. Все это... звучало очень и очень подозрительно. То есть
все, что от меня
требовалось – не показываться дракону, время от времени восстанавливая его силы,
а потом, когда
он женится, необходимость в такого рода «сеансах» отпадет? Что такого в этой
Катрине?

▲– Я вам не верю, – так и сказала, глядя в колючие холодные глазищи мага.

– Твое дело, – спокойно ответил он, – но в любом случае, если ты будешь
вертеться у Арктура под
ногами, мне будет довольно просто дернуть за нужную ниточку, и твой рассудок
постепенно
поглотит Хаос. И тогда ты в самом деле станешь овощем. Я понятно объяснил?

Очень хотелось расцарапать ему физиономию. Или плюнуть в нее же. Но я очень
вовремя
вспомнила, что главное оружие истинной санны – в ее спокойствии, и потому,
одарив гада сладкой
улыбкой, завершила:

– Понятнее некуда, саннор Фейдерлин. Поверьте, со мной у вас не возникнет
никаких хлопот.
Совершенно никаких, да.

Он усмехнулся, пристально глядя на меня, потом тряхнул головой.

– А вот теперь я тебе не верю, пташка. Больно у тебя физиономия стервозная.

– Никогда себя стервой не считала, саннор.

– Самое главное – помни о ниточках, – почти ласково произнес он и изобразил
пальцами
ножницы, – чик-чик, и ты почти как кабачок. Или морковка.

– Оставьте меня, саннор, – все еще улыбаясь, попросила я, – мне все еще очень
нездоровится.
Мне тяжело с вами говорить, да и видеть вас... не слишком-то хочется.

Почему я ходила по краю? Сама не знаю.

Но Фейдерлин хмыкнул, при этом хищно раздул ноздри, как будто нюхал воздух,
окинул меня
нечитаемым взглядом.

– В самом деле, пора идти. Готовиться к помолвке. Выздоровливай, пташка. Левия

сказала, что уже
заготовила для тебя три корзины белья на починку.

...Когда он уходил, я тайком показала ему в спину однажды подсмотренный на улице и
объясненный
горничной неприличный жест. И почему-то стало легко на душе – выяснилось, что я
не боялась
Лиара Фейдерлина до дрожи в коленках. Эта словесная перепалка словно утвердила
меня в мысли,
что ничего он мне дурного не сделает, ровно до тех пор, пока... Пока – что?

***

Через пару дней я окрепла настолько, что сама предложила Айте прогуляться и
посмотреть остров.
К этому времени Левия выдала мне платье, такое же добротное и уныло-серое, как и
у нее, белый
передник с карманами и накрахмаленный до хруста чепец. Вдобавок я стала
обладательницей
плотных шерстяных чулок, сатиновых панталон по колено и грубых, но практичных
башмаков,
которые, по словам той же Левии, очень хороши, чтобы ходить по каменистой почве.

– Куда вы хотите пойти? – Аита удивленно заморгала печальными глазами, – санна
Левия
говорила, чтоб далеко не ходили. Драконы, конечно, вас не тронут, но зачем
лишний раз им на
глаза попадаться?

– Должна же я знать, где тут что, – резонно заметила я, а про себя добавила, –
«чтоб отсюда
сбежать».

Аита задумалась, но потом смиренно кивнула.

– Хорошо, санна Кора. Пойдемте, покажу вам остров. Только вы уж оденьтесь, и
волосы уберите
под чепец. Зачем дразнить драконов?

– Они на девушек бросаются? – уточнила я на всякий случай.

– Насколько мне известно, – с умным видом сообщила девочка, – не бросаются. Но
неравнодушны. Это же драконы.

На этом наши препирательства закончились, я тщательно спрятала волосы под
головной убор. Аита
в это время привычно завернулась в шаль – и мы отправились в путь.

Сперва брели по коридорам и лестницам, которые казались бесконечными. Всюду было
довольно
светло благодаря стрельчатым окнам. Я, однако, пришла к выводу, что прислуги в
замке не хватало:
под сводами потолка, то тут, то там, красовались полотнища паутины, кое-где в
углах лестниц

собрались пыльные лохмотья. Было даже видно, что ровно посередине протоптана дорожка, а по бокам убирать никто не удосуживался. Я вздохнула, вспоминая, как сверкали чистой лестницы в отцовом доме. А здесь... Дракону все это неинтересно, а Левия, судя по всему, вечно занята какими-то расчетами, закупкой провизии, или что там еще нужно для замка?

Впрочем, замок казался пустынным. Пока мы бродили по коридорам, только единожды нам навстречу торопливо прошагала юная девушка, в точно таком же сером платье, белом переднике и чепце, как у меня. Наши взгляды встретились и, положив руку на сердце, мне ее взгляд совсем не понравился. Она глянула на меня так, словно я здесь была явно лишней. Так могла бы смотреть соперница на балу, если бы я уводила у нее кавалера. Но здесь, в драконьем замке? Смешно. Я невольно пожала плечами и пошла дальше, за Айтой, а меж лопатками так и жгло: девица пялилась вслед. Неужели она думает, что я посягну на ее драконов? Смешно и странно все это.

Потом Айта вывела меня в большой холл и тут остановилась, переводя дыхание. Недуг, что поселился в ее легких, давал о себе знать.

– Здесь, – она обвела пространство рукой, – обычно лорд-дракон устраивает пиры для клана. И обычно в это время женщины сюда не ходят.

– А прислуживает кто?

Я тоже остановилась, осматриваясь. Свет в высокий холл попадал сквозь узкие витражные окна, их было четыре. По периметру были расставлены длинные столы и лавки. У стены красовался самый настоящий трон, вместо подлокотников – мраморные драконьи головы с разверстыми пастьями. Любопытно, там лорд-дракон восседает? А где тогда место Фейдерлина?

– Мужчины прислуживают, – охотно сказала Айта, отдышавшись, – вы просто не знаете драконов, санна Кора. Когда они навеселе, лучше держаться от них подальше. Слишком много в них... как это, э-э-э...

– Огня?

– Страсти, – вспомнила Айта, – слишком даже... Вспыльчивые, ревнивые. Был случай, когда два дракона повздорили из-за женщины. Что тут было, ой, что было. Лорд Арктур их едва разнял. А северная башня так и стоит разрушенная.

– Понятно, – я все еще рассматривала витражи. Всегда любила смотреть на красивые вещи, и поэтому наслаждалась видом орнаментов, сложенных из кобальтово-синих, алых и ярко-желтых стекол. Свет, проходя сквозь них, рассыпался пригоршнями самоцветов по залу, придавая ему совершенно торжественный и при этом загадочный вид.

«Сокровищница дракона», – подумалось мне, – «вот на что это похоже. Именно так сверкают камни среди россыпей золотых монет».

– Идемте, – Айта мягко потянула меня за рукав, – я покажу двор замка, и мы даже можем выйти за его пределы, если вы захотите.

– Конечно, захочу! – воскликнула я, а сама вновь подумала о том, что не буду собой, если не найду возможность отсюда сбежать. В конце концов, я не была ни забитой служанкой, ни глупенькой необразованной девицей из низов. Там, в прошлой жизни, я всегда получала все, что хотела... Ну, почти всегда.

Замок поражал размерами. На Кардилии таких просто нет, она почти в центре Чаши. Наш особняк – так, игрушка из мрамора и позолоты. А здешняя крепость разлеглась сытой львицей, занимая почти весь остров.

В центре находилось главное жилое здание, где обитал лорд-дракон, часть его клана, а также слуги. Донжон стоял рядом, на возвышении, соединенный с жилым зданием деревянной галереей. И дальше – три кольца стен, и каждое кольцо объединяет высоченные сторожевые башни.

Мы с Айтой проходили сквозь ворота второго кольца, когда она доверительно мне сообщила:

– Говорят, замок очень стар и был построен ещё до того, как наш мир раздробило на острова. Левия все ворчит, что толку нет от сторожевых башен...

– Почему? – я внимательно осматривалась, отмечая детали. Вон то, похоже, крытая оранжерея. А дальше – сад, пышные изумрудные шапки древесных крон.

– Так ведь варги летают. И не нужно далеко смотреть, чтобы их увидеть, – пояснила девочка, кутаясь в шаль, – они всегда словно выныривают из-под острова.

– Остров у самого края Чаши, верно?

Она вздохнула и кивнула.

▲— Тогда лорд-дракон собирает свой клан, и они отправляются убивать варгов, – в голосе Айты появилось мрачное торжество.

И мы отправились дальше.

За вторым кольцом стен я впервые увидела драконов. Вернее, сперва даже не поняла, что это именно они – мимо нас спокойно прошагало несколько мужчин, довольно молодых и очень просто одетых. Айта дернула за рукав:

– Глаза опустите, санна. Не нужно смотреть.

Я торопливо ткнулась взглядом себе под ноги, поспешила вперед. За спиной послышались смешки, но все же никто нас не окликнул.

– Мы никогда не смотрим им в глаза, – тихо поучала Айта, – у них... слишком велика их сила.

Лишает воли. Если дракон захочет, вы будете делать то, что он прикажет. Захочет, чтоб вы голая на столе сплясали – будете плясать.

– Хорошенькое местечко, – буркнула я, – как вы здесь выживаете? В смысле, люди?

– Лорд-дракон наводит порядок. Да вот, кстати, и он!

– Где? – внутри все ухнуло в пропасть.

– Да вот же, санна! Наверху!

И, следуя звонкому голоску Айты, я задрала голову. Высоко в небе, то ныряя в пуховые облака, то вырываясь из них подобно черной молнии, в самом деле летал дракон. Он был черен, как уголь, но в какой-то миг мне померещилось, что по его длинному и узкому телу временами скользят голубоватые молнии. Я замерла, забыв, как дышать. Это был первый раз, когда я увидела полет дракона. А у самой отчего-то раздражение в душе поднималось: он ведь почти меня убил, а до этого убивал других девушек. Разве может быть столь жадная до чужих жизней тварь быть столь красивой? Разве может господь допустить, чтобы он так свободно летал и резвился в небе, когда кости невинных девушек лежат в могилах? Да где же, варги меня побери, справедливость этого мира?

Очнувшись оттого, что тонкие холодные пальчики Айты сомкнулись на моей руке. У нее всегда

мерзли пальцы, и она сама вечно мерзла, кутаясь в свою теплую шаль.

– Красиво, правда? – тихо спросила она. И, подумав, добавила, – иногда мне хочется, чтобы перед тем, как я умру, он меня покатал по небу.

Эти ее слова вернули меня к действительности. Я схватила ее руку и, больше не глядя на кувыркающегося в облаках дракона, сердито сказала:

– С чего это ты собралась умирать? Теперь я здесь, и никого он больше не убьет. Наверняка саннон Фейдерлин уже всем об этом сказал, м-м?

Кажется, Айта немного покраснела.

– Да нет же, лорд-дракон тут не при чем. Я же...

– Я не дам тебе умереть, слышишь? – опустившись перед ней на колени, я заглянула в безмятежные, широко распахнутые глаза, в которых отражалось небо, – не придумывай глупостей. Ты будешь жить долго и счастливо. Только мне нужно немного восстановиться, понятно?

Айта шмыгнула носом и смущенно сказала:

– Пойдемте дальше, санна. Мы можем выйти из замка и даже подойти к краю острова.

– А дойдем ли?

Я поднялась, отряхнула передник.

– Так остров невелик. Только стоянка для кораблей, они иногда провизию доставляют, да роща. Замок почти весь остров и занял.

...Проходя сквозь главные ворота, я с удовольствием отметила, что они совершенно не охраняются, да и вообще, вряд ли запираются. В самом деле, к чему их запирать, когда варги – с крыльями? Вот уж, в самом деле, древний замок. Из этого следовало то, что никто не будет мне мешать покидать территорию замка и, возможно, даже забраться внутрь отбывающего торгового судна. ♣А остров и в самом деле был невелик: начиная от ворот, его на две части делила отсыпанная гравием дорога. По одну сторону – невысокие холмы, поросшие серебристым ковылем, по другую сторону – низенькие деревья, акации. Наверное, тут частенько бывали ветра, потому что некоторые деревья были изломаны, да и на земле валялись черные сухие ветви. А со стороны холмов, всего-то в какой-нибудь сотне шагов от дороги, красовалась старательно выровненная площадка с чугунными

крюками для швартовки кораблей.

– Мы пойдем до конца дороги? До края? – спросила моя провожатая.

– Конечно.

Айта с сомнением покачала головой.

– Он, бывает, осыпается. Ближе подходить нельзя.

– А мы и не будем, – ответила я, а у самой в памяти – яркая картинка из детства, когда я стою на обрыве над морем. Мы ведь жили на одном из центральных островов, к середине Чаши они большие, даже моря бывают. Я стою у самого края, ветер треплет косы, грозит унести шляпку – а я щурюсь на розовый закат, на его отражение в бирюзовой воде, и в груди все замирает от сладкого страха, какой бывает, когда одновременно и страшно, и жутко интересно, и такое лживое чувство собственной неуязвимости.

Я ещё раз посмотрела на небо: дракона больше не было. То ли улетел к краю Чаши, то ли вернулся в замок. Солнце висело где-то далеко над центром, и из-за этого мы с Айтой отбрасывали длинные тени. Передернув плечами, я зашагала дальше вслед за Айтой. Варги с ним, с драконом. Возможно, в самом деле стоит прислушаться к тому, что говорит и обещает Фейдерлин...

С другой стороны, как я могу верить человеку, который, глазом не моргнув, бросил меня на съедение монстру?

– В роще есть озеро, – вдруг сказала Айта, – хотите, подойдем? Оно не лишком глубокое, в нем можно купаться. Только вода там всегда холодная.

– На обратной дороге, – мне все-таки хотелось увидеть край острова, а заодно и край Чаши.

– Я сегодня видела санну Катрину.

Тут я невольно наострила уши, сама не знаю, почему. Мне-то какая разница, на ком женится лорд-дракон? Но послушать все равно было интересно.

– Она гуляла в саду, – продолжила Айта, пока мы неторопливо брели по дороге, – в таком голубом платье... Ну, знаете, когда ткань блестит...

– Атласном, наверное, – пробормотала я, невольно вспомнив и собственные туалеты.

Наверняка их мачеха к рукам прибрала. Ну, ничего. Клянусь всеми отрезанными

хвостами варгов, я
еще вернусь, и тогда мы еще посмотрим, кто будет смеяться последней.

– Да. Очень красивое. И плечи голые. И даже грудь видно. Представляете? На нее другие драконы
та-ак смотрели, а ей хоть бы что.

– Она просто уверена в том, что никто ее не тронет.

– Ну да. Наверное. Санна Катрина... она красивая. Красивее, чем вы, – наивно рассказывала
Айта, – у вас кожа смуглая, и вы вся темная. А санна Катрина – беленькая, что снежок, и волосы
как пшеница.

– Терпеть не могу блондинок, – я усмехнулась. Что правда, то правда. И почему-то все блондинки,
кого я знала, до ужаса гордились своей белобрысостью, что как бы намекало на полное отсутствие
прочих достоинств.

– Я слышала, Фейдерлин долго уговаривал лорда-дракона жениться. Едва уговорил.

– А что ж так? Страсти лорда-дракона уж должно хватить на ее блондинистое высочество.

– Я слышала, – тут голосок Айты упал до шепота, – лорд-дракон вроде как говорил саннору
Фейдерлину, что санна Катрина... не подходит ему, что ли.

– А как он определяет, кто ему подходит, а кто – нет?

Айта не ответила. Конечно же, этого она не знала.

▲Постепенно, болтая о всяких пустяках, мы дошли до края острова, где было сооружено что-то вроде
вала из крупных камней.

– Дальше – нельзя, – предупредила девочка, хватая меня за руку.

Я высвободилась.

– Ты здесь постой, я на минуточку.

И полезла на вал. В самом деле, если осторожно – я ведь не свалюсь? Но, коль я здесь, грех не
посмотреть на край Чаши!

Плюнув на чистоту передника, я легла грудью на камни, подтянулась на руках и все-таки увидела
ее. Оказывается, так близко... Пожалуй, все равно что перейти Дворцовую площадь на Кардилии. И
похоже на стену из густого тумана, фиолетово-синего, постоянно меняющего форму. Или же туман
попросту клубился над краем Чаши, закрывая обзор и не давая увидеть – а что же

там, где Хаос?

Когда-то я читала о том, что, мол, магическое сообщество пришло к выводу, что и за краем Чаши люди вполне могут жить, и что если бы не многочисленные варги, уже давно бы освоили те земли.

Но, вряд ли кто из тех магов на самом деле бывал за этой завесой. Так, выдумки.

Я вздохнула, аккуратно отползла обратно, затем отряхнула передник от белесой пыли – правда, похоже, стирки ему уже было не избежать. Поймала восхищенный взгляд Айты.

– Вы... такая отважная, санна! Другие даже к краю боятся подходить.

Я лишь пожала плечами и взяла девочку за руку. Мы двинулись в обратном направлении.

– Видишь ли, Айта... На самом деле мне тоже было немного страшно, – честно призналась я, – но ты только подумай. Меня похитили, продали как рабыню, а потом бросили на съедение дракону... Неужели ты думаешь, что после этого я буду бояться подойти к самому краю? После того, как он сжигал меня своим огнем?

– Вам было очень больно? – только и спросила она.

– Мне было и больно, и страшно. Мне казалось, что я исчезну... И, знаешь, когда настолько больно и страшно, что-то ломается внутри, и то, что раньше бы очень испугало, уже не кажется таким уж страшным. Зато теперь я знаю точно, как выглядит край мира.

Потом мы добрались до роши, и Айта повела меня по узкой тропинке. Потянуло сыростью, вскоре мы вышли на берег небольшого озерца с такой чистой и прозрачной водой, что были видны и песчаное дно, и каждый камешек, и пучки водорослей и даже маленькие юркие рыбки. Я присела на корточки, попробовала пальцами воду – она, на удивление, казалась довольно теплой.

– Айта, а вы здесь купаетесь?

Девочка ловко поддела носком башмака камешек и столкнула его в воду. По поверхности озерца скользнула легкая рябь – и снова оно стало спокойным.

– Иногда, санна Кора.

– А драконы?

– Никогда не видела, чтоб они сюда ходили, – теперь она присела рядом с водой, опустила руку в воду и пыталась поймать мелких рыбешек, что серебристым косяком мелькали то тут,

то там.

– Давай как-нибудь с тобой здесь искупаемся? – попросила я.

– Не думаю, что это понравится санне Леви.

– А мы ей не скажем. И никто нас не увидит, – заверила я.

Плывать я умела и любила. В конце концов, должна же остаться хоть какая-то радость для преданной и проданной адмиральской дочери?

***

А еще через пару дней меня попросту завалили работой. Те самые три корзины рванья, о которых говорил Фейдерлин. Леви отвела меня в каморку, которую занимала предыдущая швея. Там было достаточно светло: рабочее место располагалось как раз напротив большого окна. На кособоком столе, правда, стоял подсвечник с оплывшими свечами: это намекало на то, что рабочий день швеи мог затянуться и до ночи.

▲– Вот, – Леви обвела рукой пространство комнатки, – все что видишь – твое. Одежду чинить нужно постоянно, ничего не поделаешь.

– А кто ее до меня чинил? – все же поинтересовалась я.

Леви нахмурилась и махнула рукой.

– Тавида. Она уехала.

– Отсюда можно уехать? – я приподняла бровь.

Леви прищурилась. О, она была весьма неглупой женщиной и, похоже, понимала меня с полуслова. С другой стороны, разве лорд-дракон сделал бы глупышку управляющей?

– Не в твоём случае, милочка, – сказала она с усмешкой, – Тавида была свободной женщиной и приехала сюда на заработки с мужем. Они поработали несколько лет, заработали золотишка и подались обратно, куда-то ближе к центру Чаши. Понимаешь?

Я невольно опустила голову. Конечно, понимала. Но то, что все еще осталось во мне от Кору Лайс, блистающей на балах и приемах в сногшибательных туалетах, вопило и билось в агонии. Я – не рабыня! Я свободная... Но попробуй докажи это, особенно когда где-то среди документов лорда-дракона теперь завалась еще и купчая с аукциона. Когда тебя никто не знает и никто не ищет...

– В общем, садись и работай, – подвела итог Левия, – обедать приходи на кухню. Чай, не благородная какая-нибудь, чтобы тебе отдельно носили.

Ну, конечно. Левии первой же было выгодно считать меня женщиной низшего сословия, потому что, в противном случае, ей пришлось бы признать мое превосходство хотя бы по рождению. И точно так же ей было совершенно невыгодно знать, что я умею читать, писать и считать, потому что тогда, возможно, ее трон управляющей пошатнулся бы. А Левия, как я уже сообразила, была весьма неглупой женщиной, хоть и рожденной вдали от дворцов.

Она ушла, а я уселась на шаткий табурет, взяла из подушечки иголку, сунула палец в наперсток и принялась за работу. Через пол-часа борьбы с дырявым чулком расплакалась – меня не учили шить, я была знакома с иголкой исключительно по причине своей любви к художественной вышивке. Ну и умела совсем немного, то, что показывала нянюшка, когда я была еще совсем девочкой. Чулок я победила, посмотрела на три полных корзины с бельем, смаргивая слезы. Перевернуть их к варгам? Объявить, что ничего не буду делать? Закатить истерику?

И задумалась. Да, я могла поскандальить, разругаться с Левией... Что они мне сделают? Посадят на хлеб и воду? Выпорют?

Я сидела, шмыгала носом и вытирала льющиеся по щекам слезы. Закатить истерику... очень хотелось. Но что-то мне подсказывало, что управу на меня все равно найдут, Левия не первый год заправляет в замке. А портить с ней отношения казалось... несколько неразумным. Пока что она относилась ко мне неплохо. Кто знает, вдруг пригодится еще?

Я вытерла лицо краем передника и взялась за следующие... панталоны, треснувшие по шву. День только-только начался, и до обеда было далеко. Впрочем, не очень и хотелось идти туда. Наверняка там будет та деваха, которая так нагло и дерзко смотрела на меня. Да и другие... Тоже неясно, чего от них ждать.

Следующим снова был чулок с гигантской дырой, которую я побеждала, наверное, больше часа. А потом работа увлекла, и я очнулась только потому, что дико ныли шея и спина, да еще скрипнула дверь.

Я обернулась – в пороге застыла та самая девица. И точно так же, как и в прошлый раз,

рассматривала она меня неприязненно и нагло, так, что помимо воли хотелось отвести взгляд.

Раньше я с подобным не сталкивалась. Если у меня и были недоброжелатели, то в приличном обществе свою неприязнь не выражали столь открыто, иначе можно было схлопотать вызов на дуэль или едкий памфлет. Здесь же... я попала в совсем иной мир, где, похоже, побеждал сильнейший. Или тот, кто орет громче прочих в споре.

Я с трудом уняла нервную дрожь и все же заставила себя не отводить взгляд. Один раз поддашься – и все, проиграла, об тебя будут ноги вытирать. И внезапно она не выдержала первой, ее взгляд скользнул куда-то в угол, мазнул по расставленным корзинам, но потом все равно вернулся ко мне.

А я настороженно рассматривала ее: довольно высокая, полногрудая, и, как почти все рыжие, вся в веснушках. Глаза – светлые, наглые. Маленький носик пуговкой и довольно большой рот с пухлыми губами, которые она явно подкрашивала.

▲— Что уставилась? – грубо спросила она, хотя, на самом деле, это ведь она на меня пялилась.

Я прикусила губу изнутри и, кое-как поборов в себе великосветскую санну, тем же тоном ответила:

– А ты что пришла? Любопытно стало? Ну так смотри, мне не жалко.

Кажется, деваха побледнела, так, что веснушки стали совершенно отчетливо видны – россыпь темно-коричневых пятнышек.

– Думаешь, лучше всех? – а вот теперь в ее голосе хлопотала злость, – думаешь, будешь постель лорду греть?

«Да ничего такого и в мыслях нет», – подумала я, но промолчала, заставляя себя выслушать до конца.

– Так вот, даже не думай! – почти выкрикнула она, – он – мой, понятно? И чтобы не крутилась у него под носом! Не то я тебе рожу кипятком обварю, поняла?

И в этот миг я невольно рассмеялась. Да что ж такое-то? Фейдерлин требует, чтобы я не показывалась этому лорду-дракону, теперь еще и эта... Сговорились они, что ли?

– Что смешного? – девица сжала кулаки, – чего ржешь, кобыла?

– Потому что смешно, – я уняла рвущийся наружу горький смех, – оттого, что у

меня и в мыслях
подобного не было, а ты уже переполошилась. Что, охладел к тебе твой любовник? А тебе и завлечь уже нечем? И поэтому ты дергаешься, как бабочка на булавке, и тебе кажется, что все вокруг только и думают, как забраться в постель к дракону? Ошибаешься, милая. Мне он не нужен. Держи при себе.

Она опешила. А я на миг даже ощутила себя победительницей. Что-то, а говорить гадости я умела, правда, пользовалась этим крайне редко. Обижать людей – так себе удовольствие.

– Ты... ты... Да я тебе патлы повыдергаю!

И в этот миг произошло то, чего я не ждала. Рыжая попросту кинулась на меня с кулаками, а я даже подняться со стула не успела. Все произошло в считанные мгновения: вот она несется на меня, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами, вот я вскакиваю, опрокинув табурет...

Девушку швырнуло на пол так, что она захрипела, заскребла ногтями камень. Я, ошарашенно глядя на нее, судорожно выдохнула, чувствуя, как по спине вниз потекла капля ледяного пота. Потом посмотрела на дверь: там, элегантно облокотившись о лутку, стоял Лиар Фейдерлин. Свежий, отдохнувший, идеально причесанный и так же идеально одетый. Его белоснежная рубашка с кружевным жабо так и светилась, оттеняя идеальную черноту пиджака. Он стоял, сложив руки на груди, но вокруг его головы, как мне показалось, парили тонкие золотые искры. Это он магией, что ли, приложил мою обидчицу?

Лиар улыбнулся уголками губ, не отрываясь, глядя на меня, а затем сказал:

– Таша, пошла вон отсюда. Будешь руки распускать, я расскажу Арктуру, что ты с конюхом по сеновалам таскаешься.

Рыжая, все ещё извиваясь на полу, прохрипела жалобно:

– Но это... не правда! Неправда! Я же... ни с кем...

– Напряги свою горошину, что у тебя в голове, – спокойно ответил Фейдерлин, – и подумай, как следует, а как не следует себя вести. Давай, поднимай свою задницу и двигай отсюда. Хочу побеседовать с санной Корой.

Я не верила собственным ушам. «С санной Корой»! Он ведь специально так говорит, чтобы сделать

мне приятное, и чтобы заодно еще больше унижить Ташку, которая медленно поднялась на четвереньки, что-то бормоча под нос. Наверняка меня проклинала.

– Поторопись, – строго сказал маг, – ты же знаешь, я не столь терпелив, как Арктур.

И посмотрел на меня своими светлыми колючими глазами.

***

От присутствия Фейдерлина становилось не по себе. Почему-то сбилось дыхание... Или я все никак не могу прийти в себя от представления, которое устроила Таша? В голове же упорно вертелся вопрос: какого варга здесь Фейдерлину надо? Зачем он пришел? Я отвернулась, подняла табуретку, поставила ее, и только потом снова повернулась к магу. Он все так же стоял, опираясь спиной о дверную лутку, только руки переложил в карманы. Молчание сделалось напряженным, и я поняла, что придется говорить первой.

– Ну, а вы? Зачем пришли? Тоже интересно посмотреть?

Маг хмыкнул.

– И где же слова благодарности, санна? Я только что, можно сказать, спас вас от когтей разъяренной Таши, которая трясется за свое место в койке лорда-дракона.

Я невольно сомкнула руки под передником. Взгляд Фейдерлина был острым, пронизательным, и мне хотелось закрыться от него... как-нибудь. Зачем он здесь? Вести светскую беседу? Или – что?

– Можете передать любовнице его драконшества, что она может меня не опасаться, – сказала я с достоинством, – не воюю за места в койках кого бы то ни было.

– Естественно, – согласился фейдерлин и снова умолк, меня разглядывая.

И это меня разозлило. Да, я была куплена и отдана на верную смерть – но выжила и по –прежнему не была сломлена. И во мне была кровь моего отца, прославленного воина.

– Почему вы так на меня смотрите? – спросила сухо, борясь с желанием опустить глаза, – никак насмотреться не можете?

– Пожалуй.

Внезапно он резко шагнул вперед, сокращая расстояние между нами, я невольно попятилась, уперлась в край стола. Бежать было некуда. А Фейдерлин, не переставая улыбаться,

подошел почти
вплотную.

– Здесь скучно, – посетовал он, – мой молочный брат практически не бывает здесь, каждый день облетая свой участок края Чаши. И Арктур – единственный здесь человек... или не-человек, с которым интересно поболтать. А ты мне кажешься весьма любопытной штучкой. В общем-то еще там, на помосте, показалась занятной.

– Так вы, саннор, развлечься пришли?

Маг был так близко от меня, что я невольно отклонилась назад, потому что касаться его совершенно не хотелось. Ноздри улавливали тонкий аромат дорогого одеколona. Свет играл золотыми искрами в светлых волосах.

– Развлечься? – мягко переспросил он, – почему бы и нет?

– Вы мне мешаете работать, – язвительно заметила я.

– Ничего, Левия переживет пару незашитых панталон.

Он помолчал несколько мгновений, а у меня уже спина ныла от неудобной позы. Варги! Хоть бы та Левия зашла, в самом деле. Или хотя бы Айта. Ну хоть кто-нибудь.

Внезапно Фейдерлин поднял руку и погладил меня по щеке. Я дернулась, уходя от прикосновения, но все стало только хуже: он легко обхватил меня за талию, притягивая к себе, опалая лицо дыханием с мятным привкусом.

– Я тебя заберу к себе, – маг продолжал улыбаться, – похоже, ты в самом деле любопытная штучка. Моей будешь.

Опешив, я даже не пыталась сопротивляться.

– Вам же нужна моя невинность, – процедила сквозь зубы.

– До поры до времени, милая, – он погладил меня по спине, очень бережно, словно тонкую хрустальную вазочку.

Фейдерлин прищурился, а меня в жар бросило от его взгляда. Варги! Уж лучше бы он меня ненавидел, тогда все было бы очень просто и понятно.

– И потом... – хрипло прошептал он, склоняясь к моему лицу, – ты же догадываешься, что есть много способов доставить друг другу удовольствие, не лишая тебя при этом

девственности?

Кровь ударила в голову, и... сама не знаю, как так вышло, что, почти не замахиваясь, я залепила

▲ему пощечину. И, когда он отшатнулся, отпустил меня, прошипела:

– Подите прочь, саннор. И больше не приходите ко мне с такими предложениями.

Фейдерлин невозмутимо потер щеку, на которой розовело пятно.

– Дерзкая и интересная штука. Я бы мог взять тебя прямо здесь, на полу, и плевать на то, что пришлось бы таскать Арктуру новых девок. Но, пожалуй, так будет даже интереснее. А за пощечину... – тут он быстр облизнул губы, а меня передернуло.

– Ты – рабыня, – сказал он уже у порога, – не забывай об этом. Тебя могут наказать. Могут бросить в карцер. Могут выпороть. Могут выставить голой на обозрение всем обитателям замка.

Я промолчала, тяжело и надрывно дыша. Маг был прав. Нужно быть тише воды, ниже травы, не стоит нарываться на неприятности, иначе все закончится для меня весьма плачевно. А в груди все рвалось, горело, полыхало. Господи, почему я не могу превратиться в дракона и просто улететь отсюда?

Обессилев, я опустилась на табурет, все еще глядя в дверь, за которой исчез Фейдерлин. Только его домогательств не хватало! И все это при том, что я здесь действительно никто, бесправная вещь, и он может делать со мной все, что заблагорассудится, и никто и слова поперек не скажет.

Я окинула взглядом корзины, полные рваного белья, и стало тошно. Ну почему, почему все это происходит со мной? Чем я провинилась? Или наоборот, почему господу угодно возложить эти испытания на мои плечи? Глаза жгли едкие слезы. Давя в себе рыдания, я снова взялась за работу. Решила, что на обед не пойду, как-нибудь перетерплю до ужина. Видеть ту же рыжую после того, что она здесь учудила, не хотелось. Да и вообще, никого не хотелось. Разве что Айту.

А внутри все тряслось, дрожало. Оказывается, слова Фейдерлина задели меня куда больнее и глубже, чем показалось сначала. Нельзя ему больше показываться на глаза. Нельзя напоминать о себе.

Вся беда была в том, что он был хозяином здесь, а я – вещь. Вещь можно

использовать, сломать и
выбросить. И я была бессильна что-либо изменить.

Единственное, что я знала точно – так это то, что меня он не получит.

...Так, в тягостных размышлениях, день и прошел. Когда за окном начало темнеть, я
одолела только
половину первой корзины. Нервно подскочила, когда кто-то вошел в дверь,
оказалось – Левия.
Шурша длинными юбками, она молча прошлась по каморке, окинула взглядом кучу
починенного
белья, повертела в руках зашитые панталоны. Хмыкнула, отложила их обратно.

– Почему к обеду не пришла? – спросила сухо, – думаешь, лучше прочих?

– Зато ко мне уже Таша приходила, – без обиняков ответила я, – устроила здесь
драму в трех
действиях.

Левия поморщилась.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора: <https://www.litres.ru/oliviya-shtern/moy-hozyain-drakon/>